

**| О С О Б О Е
М Н Е Н И Е |**

АНДРЕЙ БАБИЦКИЙ

**ВСЯ |
ПРАВДА
О ЛИБЕРАЛАХ**

КАК
Я СТАЛ
РУССКИМ
ПАТРИОТОМ

МОСКВА
2018

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)
Б12

Бабицкий, Андрей Маратович.

Б12 **Вся правда о либералах. Как я стал русским патриотом / Андрей Бабицкий.** — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-095001-0

Андрей Бабицкий вот уже четверть века находится на передовой информационной войны. Он освещал все значимые события новейшей истории (после расстрела Белого дома в 1993-м даже ушел с «Радио Свобода», считая действия Ельцина преступными), работал военным корреспондентом на обеих Чеченских войнах и в других «горячих точках», а во время Второй Чеченской за остро критические по отношению к федеральным силам репортажи из Грозного был арестован российскими спецслужбами. Это дело находилось под личным контролем Владимира Путина, который публично назвал его предателем. После суда, признавшего Бабицкого виновным, он уехал в штаб-квартиру «Радио Свобода» в Праге, где проработал 15 лет, пока в 2015 году не был уволен с радиостанции из-за заявлений в поддержку действий России в Крыму и честного освещения военных преступлений украинской армии в Донбассе.

В НОВОЙ КНИГЕ известный журналист не только впервые откровенно рассказал историю своего перерождения из антироссийского либерала в русского патриота и обретения внутренней гармонии, о нынешнем отношении к Путину, ситуации в Чечне, российской либеральной общественности и журналистике, свободе слова на Западе, но и о том, чего ждать россиянам в отношениях с США и Европой и враждебен ли западному самосознанию сам культурный код России.

**УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)**

© Бабицкий А.М., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095001-0

ОТ АВТОРА

Как я стал русским человеком.

Из антирусского

Меня постоянно просят объяснить, что произошло, как получилось, что я изменил свои взгляды, будучи в период «до» отчаянным критиком России и её властей, а «после» став бескомпромиссным защитником Русского мира, русских ценностей, русского положения вещей.

Интерес этот понятен, поскольку всегда хочется разобраться в том, каковы основания метаморфозы, представляющейся невозможной, но я хотел бы сказать в этой связи, что репутация пламенного либерала не вполне мною заслужена. Это скорее тот портрет, который был нарисован российскими медиа и политиками в тот период, когда они воспринимали меня как врага нынешней российской государственности, стремящегося всеми способами подорвать её основы.

Этот образ был не стопроцентно верен, а если говорить прямо, то я назвал бы его абсолютной липой. Да, действительно, претензий к российским властям, в частности к президенту Путину, которого я считал продолжателем дела его предшественника, у меня было немало, но, собственно, антирусской моя позиция быть не могла в принципе. Как мыслящий человек я был сформирован ещё в советские времена патриотической, христианской средой, и привитые ею ценности оставались неизменными в течение всей последующей жизни, хотя на тех или иных этапах несколько тускнели, уступая приоритет гневу и раздражению, вызванному наличным состоянием дел в России.

Да, в какой-то момент я стал держаться либерального взгляда, полагая, что свобода и права личности — это фундамент, на котором должно покоиться здание общественного и государственного быта России. Этот наивный и романтический подход как раз и водил моей рукой, выведившей строки о нарушении этих самых прав российскими властями и покушении на различные свободы.

Тем не менее оценка происходящего в России постепенно менялась. К примеру, я с удивлением обнаружил, что Владимир Путин, избрание которого на первый срок было во многом отражением колоссального общественного недовольства реформами, разграблением страны, произволом чиновников, стал действовать, скажем так, крайне аккуратно, не следуя строго в фарватере крайне недемократического настроения своего же электората. Выбирая бывшего сотрудника КГБ правителем своей страны, народ сознательно шёл на размен, отказываясь от хаоса, который прежняя власть считала достигнутыми гражданскими свободами, и рассчитывая вместо него обрести порядок, управляемость и жёсткую чистку потерявшего берега, претендовавшего на полную власть над страной олигархата.

Путин не пошёл по пути, который диктовала сама логика событий, он не стал выполнять заказ на массовые репрессии, которые не просто ему готовы были простить, народ ожидал их, лелея надежду, что наконец Россия после долгих лет безвременья будет управляться жёсткой рукой. В представлении общества новый президент должен был заткнуть рот прессе, разогнав к чёртовой матери либеральный пул журналистов, призвать к ответу разграбивших страну олигархов, взявших в последний ельцинский срок под контроль российские политические активы, начать массовые аресты чиновников, распродававших Россию оптом и в розницу, прищучить национальные окраины, загребавшие в направлении максимальной суверенизации.

По сути дела, все проблемы, обозначенные этими чаяниями, Путину удалось решить, но не отправкой эшелонов с репрессированными в места не столь отдалённые, а точечными акциями, очень постепенно, выдерживая баланс, чтобы не опрокинуть страну в тяжёлый политический кризис.

Аналогичные вопросы пришлось решать Михаилу Саакашвили, когда он возглавил Грузию. Грузинский лидер избрал совершенно иной способ — он сделал ставку на политическую полицию, на управление государством посредством репрессий и страха. Вот эта удивительная разница между двумя руководителями, одного из которых называли маяком демократии, а другого — кровавым тираном, как раз и показала мне всю фальшь западного взгляда на происходящее в России.

Я видел, что политических свобод, включая пресловутую свободу слова, в моей стране неизмеримо больше, чем в той же Грузии, да и, пожалуй, в большинстве республик на постсоветском пространстве, что по параметрам демократического устройства Россия может дать если не сто, то значительное количество очков вперёд всем с точки зрения Запада молодым и подающим надежды постсоветским демократиям.

Понимание всего этого приходило постепенно, не было никаких внезапных озарений, накапливание критических деталей шло как бы само собою, чтобы в какой-то момент вдруг становилось предельно ясно: вот в этой области оценки западного сообщества российских реалий лукавы и заведомо неверны. Но перелом всё же произошёл. Не во взглядах: к моменту, когда запылал Майдан, я уже был последовательным критиком либерального подхода.

Коллизия оказалась связана с необходимостью выбора: я должен был или сохранить работу на «Радио Свобода», или жить в ладу с собственной совестью. Совместить то и другое не получилось бы, поскольку, условно говоря, Запад, естественно, и мои работода-

тели тоже, однозначно выступили в поддержку государственного переворота на Украине и с осуждением аннексии Крыма. События в Донбассе однозначно оценивались как агрессия России против Украины.

А для меня было очевидным, что к власти в Киеве пришли пронацистские силы, что волеизъявление людей, проживающих в Крыму и Донбассе, выступивших против национализма и путча, — это абсолютно демократический акт, который должен быть принят как свободный выбор граждан, имеющих полное право оградить своё существование от влияния слепой и радикальной стихии националистической революции.

Но нет, либеральный хор — как внутри России, так и за её пределами — требовал, не считаясь с интересами конкретных людей, следования нормам международного права, неоднократно нарушавшегося тем же Западом, настаивал на соблюдении абстрактного принципа целостности Украины.

Здесь и произошёл разрыв. События, последовавшие далее, были неизбежны. Я заявил, что считаю действия Владимира Путина по защите населения Крыма оправданными и необходимыми, за что поплатился должностью главного редактора одного из филиалов «Радио Свобода». Потом я поехал в Донбасс и прислал в редакцию кадры эксгумации тел людей, расстрелянных бойцами нацистского батальона «Айдар». Этого нежные души моих начальников перенести были не в состоянии — и меня уволили.

Вот, собственно, вкратце история моего перерождения без ретуши и попыток оправдаться за прошлое. В нём было много неверного, но это — следующая история. Уже три года я живу в Донецке и обрёл самое главное — внутреннюю гармонию.

*Андрей Бабицкий,
независимый журналист*

Часть I

ПУТИН

Убедительная победа Путина на президентских выборах не стала неожиданностью. Большинство граждан, поддерживающих главу государства, согласно соцопросам, просто не видят другого политика, который мог бы взять в свои руки управление Россией на следующие шесть лет, а критикам, если бы они имели привычку вдумчиво анализировать обстоятельства, было бы совершенно ясно, что изменения могут обойтись им слишком дорого.

Бранить Путина, с одной стороны, означает черпать энергию из неиссякаемого источника, поскольку он вне всяких сомнений сильный и умный лидер, как бы ни оценивать его политические поступки и взгляды.

А с другой, что, может быть, самое главное, — это безопасно, поскольку, что там ни говори, а оппозиция в России — системная или бессистемная — состоявшаяся, хотя и слабооформленная в силу объективных обстоятельств сила. Кто там мог бы прийти на смену Путину, неизвестно, но при нём противники режима получают не кажущийся им, правда, уникальным шанс ещё шесть лет обличать несправедную власть, не опасаясь никаких последствий.

Я, скорее всего, гляжу на это пристрастным взглядом, но сама встреча с работниками автозавода «ГАЗ», на которой Владимир Путин заявил о сво-

ём намерении баллотироваться, была абсолютно неформальной. Впрочем, от советской стилистики тошнотворной выветренности партийных и общественных мероприятий с жёстким регламентом выступлений путинская Россия ушла очень далеко.

Глава России вообще в режиме общения с гражданами, в том числе и теми, которые ему не слишком благоволят, держится всегда уверенно и непринуждённо. Собственно, и у граждан нет особых причин чувствовать себя скованными. Парень, задавший вопрос Путину, звучал естественно. Я уверен, что его выход был прописан в сценарии, но живая атмосфера собрания и интерес рабочих к высокому гостю и его планам сделали незаметной режиссёрскую проработку мероприятия. Самое, наверное, важное — в которой был выбор места и аудитории. Собственно, рабочие, или, как их назвал Путин, труженики, стали той социальной стратой, которой он решил доверить свой невеликий в силу безальтернативности варианта, но воистину судьбоносный секрет.

В моём представлении это может означать, что последний путинский срок будет социальным, ориентированным на мягкую ликвидацию — в путинской тональности — наследия ельцинской эпохи, перекосов дикого капитализма.

Собственно, фразу о том, что колоссальный разрыв между богатыми и бедными является последствием «шоковой терапии» 90-х прошлого века, сказанную им в октябре на Петербургском деловом форуме, можно было понять и как указание на необходимость устранения перекосов, допущенных в те дикие времена.

Приняв решение оповестить о событии, которое станет определяющим для России на ближайшие шесть лет, именно рабочих, президент точно указал, кого он считает своим основным собеседником на

перспективу, кто является становым хребтом страны. Это не бизнес, не олигархи, в чересчур близких отношениях с которыми Путина упрекают многие, это трудовая Россия.

Существенно и то, что разговор состоялся не в поле под рокот комбайна или трактора, хотя уже вроде и не сезон, не на агропромышленном предприятии, а на гигантском автозаводе, выпускающем среднетоннажные и большегрузные грузовики, автобусы и лёгкий коммерческий транспорт для транспортировки малых грузов. Соответственно, выпуск гражданской техники для производственных и коммерческих нужд — это по меньшей мере бесполезное дело в представлении Владимира Путина.

Можно, конечно, предположить, что встреча с заводчанами — это продуманная популистская картинка, авторы которой хотят убедить электорат в том, что кандидат в президенты совсем не брезгует рабочим классом. Но граждане страны, имевшие возможность довольно хорошо узнать политика за минувшие восемнадцать лет, и без того хорошо знают, что он не брезгует — ни рабочим классом, ни каким-либо другим, но в качестве доверителя для предстоящих выборов он выбрал именно эту категорию населения и едва ли прогадал.

Именно люди, работающие или работавшие и ушедшие на покой — разных возрастов, на разных производствах, во всех уголках России, являются самой многочисленной электоральной группой. К ним и обращался Владимир Путин с прекрасной и ожидаемой новостью о своём выдвижении.

И собравшиеся в зале начинают, похоже, абсолютно чистосердечно скандировать: «ГАЗ за вас, ГАЗ за вас». И им вторят миллионы, а то и десятки миллионов по всей России.

Президент

Почему у меня вновь и вновь рисуется на горизонте фигура Путина?

Думаю, потому, что мне ужасно нравится его ослепительное одиночество, невероятное мужество этой затерянной в холодном пространстве фигурки, которую пытаются пригнуть к земле беспощадные ветра, обдувающие ее со всех сторон.

Он не свой ни для кого, но и близкий всякому, и это его экзистенциальный, то есть лишаящий права на себя выбор, поскольку ситуация — управлять страной, в которой живут бедные, иногда взбешенные, иногда очарованные какими-то дикими и несъедобными вещами люди, — требует монашеского смирения.

Каждому из малых сих, будучи не своим, он каким-то диковинным образом научился быть неотвратительным. Это удивительное состояние души и ума — служить Родине, зная, что в ней живут разнообразные чудачки, и признавая за этими чудачками право эту Родину населять. Более того, отдавая себе отчет, что величие Отечества вырастает из его особенности привечать и взращивать чудачков.

Я думаю, это свойство приемлемости для всех достигается мастерством великого, хотя, может быть, и неосознаваемого отрешения от себя. Конечно, мы видим, что Путин — живой человек со своими оче-

видными симпатиями и предпочтениями, но он дает им право звучать только вполголоса, а то и тише.

Он мастер вслушивания в рассерженный шум и умения вжиться в шкуру самого странного персонажа, оказавшегося волею судеб гражданином той страны, которой управляет.

Он может говорить с либералом, обличающим его как свирепого тирана и душителя свободы, с патриотом, требующим немедленно четвертовать Чубайса, со всякой заумной или, наоборот, страдающей дислексией странностью, населяющей просторы нашей диковинной Родины, он путем отрешения от собственных, очевидно, что изначально очень жестких границ приемлемого для него лично, сумел стать медиатором глубоко искалеченного травмой распада СССР и шоковой терапии пространства.

Я не знаю человека в понятном и известном мне историческом хронотопе, который на глазах большой страны онлайн сумел бы вот так вот вырасти из малопонятного, нечитаемого силовика в великого демократа и мудреца.

Сама по себе биография Путина на посту главы государства ровно в этих пределах — это необычный и блистательный сюжет, рассказ Платона о глубине сократовской простоты.

Это не придуманная в Голливуде, снабженная вгрызающимися в сердце диалогами фабула, не индийское кино, это невероятно впечатляющая картина становления государственного деятеля, истинного правителя России.

Из моих донецких пределов мне хорошо видно, что мы не погибли благодаря его поддержке, причем я уверен, что решение об оказании помощи было, как и в случае с Крымом, принято единолично, оно едва ли опиралось на широкий групповой консенсус.